

Аннотация.

В статье рассматривается идентичность как система самоопределения в оппозиции глобальное – локальное. «Ресурс идентификации», присущий исторической среде, представляется специфической чертой и современных территориальных образований, архитектуры и предметно-пространственной среды для их отождествления с конкретным пространство-местом. Механизм культурного становления и трансляции ресурса идентичности задается через концепцию «трансмутационного контакта», отражающего суть процессов порождения и становления нового. Номадизм, будучи другим полюсом оппозиции глобальное – локальное

и новой трактовкой пространства оседлости, задает иные идеалы освоенности и формы идентификации. Дискурсы самоидентификации как часть пространства «глобальное – локальное» предлагается трактовать в качестве ключевой тенденции в стратегиях развития региона и проектной культуры.

Ключевые слова.

Дихотомия глобальное – локальное, идентичность, ресурсная идеология, трансмутация, номадология, визуализация образов идентичности.

Идентичность: парадигма культуры и профессиональное пространство

текст

Ольга Железняк

Идентичность (идентификация) как система самоопределения в оппозиции глобальное – локальное, как форма профессионального авторского самоопределения, – это вечный в своей востребованности и чрезвычайно модный в настоящий момент сюжет.

Точное самоопределение общества в культурной ситуации, верная соотношенность себя с соответствующей идеальной картиной мира предельно важны для будущего любой нации, для ее естественного и полноценного развития. Неверный выбор, вторжение чуждых идеалов способны обречь общество на проживание вне подлинной

истории, предназначенной для него.

М.К. Петров называет аналогичное явление «культурной несовместимостью» – неготовностью одной культуры принять нормы и правила, мировоззрение и способ жизни другой культуры. Так, например, подобная ситуация, по мнению О. Шпенглера, складывается в России. Он считает, что во времена Петра Великого, под его влиянием, Россия выбирает неверные ориентиры, отдав предпочтение «западническому» духу. Навязанная чуждая форма довлеет над исконной культурой, порождая искусственные, фальшивые по сути своей образования. К ним относятся

Визуализации образов идентичности: цветок лотоса – символ чистоты, целомудрия, плодородия и производительной силы. «Лотос» (комплекс для проведения конференций и саммитов, Чанчжоу, фото: <http://pro-amour.ru/architektura/page/17/>)

Abstract.

The article considers identity as a system of self-determination in the global/local opposition. The 'identification resource' inherent in the historical environment is presented as a specific feature of modern territorial entities, architecture, as well as objective-spatial environment to identify them with a certain space or place. The means of cultural formation and translation of the identity resource are set up through the concept of the 'transmutation contact', which captures the essence of the processes of new creation and formation. Nomadism as another pole of the global/local opposition and a new

interpretation of the space of sedentism assigns new ideals of development and forms of identification. Discourses of self-determination as a part of the global/local space are proposed to be interpreted as a key tendency in the development strategies of the region and the design culture.

Keywords.

Global/local dichotomy; identity; resource ideology; transmutation; nomadology; visualization of identity images

Identity: Culture Paradigm and Professional Space

и города – «города чужого стиля». Вслед за Достоевским Шпенглер называет Петербург «самым абстрактным» городом из всех существующих на свете, придавая ему «статус» сатанинского, проклятого города для всей русской культуры. Москва при этом представляется как святая ввиду естественности ее возникновения-зарождения, принадлежности русскому. Причины таких трагических «псевдоморфоз» Шпенглер усматривает прежде всего в неверном выборе сущностной парадигмы, связанной с ориентацией на тип духовности, на тип картины мира. Следовательно, потребность в идентификации, равно как и выбор адекватных культурных норм и идеалов, оказывается немаловажным элементом культурного развития.

В таком контексте современные идеи «принадлежности собственному месту» выглядят вполне традиционными, но в то же время очень актуальными и нестандартными для сегодняшней ситуации. Отмечая «всеобщность глобального движения», охватившего планету и стремящегося «связать средствами электроники весь мир и все культуры в единый сплав пространства и времени», многие западные исследователи (в частности, Said Mouline, Steven Holl, Leon van Schaik, Charles Correa, Andrew Yeoman) выделяют и обратную тенденцию – желание местных культур «принадлежать собственному месту». Осознание тождественности месту, попытка создания пространства и образов, ему соответствующих, по мнению отдельных специалистов, сопровождается воздействием процессов вестернизации, «навязывания мутаций и изменений», также ведущих к однообразию. Поэтому выход из этого положения видится в формировании новых образов идентичности, которые погружены в транскультурную непрерывность и в то же время связаны с «поэтическими кристаллизациями специфических ситуаций и сообществ».

Одно из важных идеологических пространств, формирующих концепцию «место-пространства» и образы идентичности, – это ресурсная идеология и порожденные ею потенциальные возможности, которые определяют цели и задачи самого процесса проектирования, отношения к объекту и субъекту проектирования, методологии и методики проектных и технологических процессов. Важным фактором сложения ресурсной идеологии является

формирующееся экологическое сознание и осознание происходящих в мире процессов. Образцом ресурсной идеологии служат естественные системы. Она (ресурсная идеология) заложена в самой основе естественно-природных систем, так как организована по этим законам. Это не есть «природные ресурсы», это целостная система, которая живет по законам ресурсосбережения и их воспроизводства. В ней заложена идея постоянной трансформации и сохранения генофонда. Знание правил функционирования и использования этой ресурсной системы, ее восстановительных циклов, позволяет сосуществовать с данной системой, встраиваться в ее развитие, пользоваться ее огромными ресурсами.

Трактовка проектной деятельности с позиций ресурсной идеологии представляет собой работу с потенциалом, его выявлением и последующим возможным использованием. При этом потенциалом или ресурсом для будущего является все уже существующее ныне (положительные и отрицательные накопления) и потенциальные изменения существующих систем – художественно-проектных, архитектурно-градостроительных, социально-культурных, экономических, геополитических и пр.

Спецификой ресурсной идеологии является способность объектов к трансформации, и это касается всего – материала, формы, содержания. Эта идея фактически была провозглашена и приобрела статус нормы для художественно-проектной культуры на XIX Конгрессе архитекторов при обсуждении теоретических категорий, когда фактически была конституирована независимость формы от функции, что позволило «наполнять» одни и те же формы разными функциями, многократно используя форму как потенциальный ресурс. Важными факторами являются иллюзии формы и возможности их трансформации в соответствии с новыми образами и содержанием, а также способность самой формы видоизменяться.¹

Кроме того, территория, архитектура, культурно-пространственные комплексы должны обладать «ресурсом идентификации», что может позволить распознавать и соотносить «места» в историческом пространство-времени – сегодня и завтра, осознавая одновременно и принадлежность к конкретному прошлому.

text
Olga Zheleznyak

¹ По существу, этот аспект ресурсной идеологии описан еще в ранних произведениях писателей-фантастов, где в каждом артифицированном объекте изначально заложена способность трансформироваться и адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам, регенерироваться и мутировать. И это, вероятно, один из наиболее разумных путей развития цивилизации, так как, например, описанная Маркесом Земля, превращенная в огромную постоянно пополняющуюся свалку непрерывно выпускаемых новых товаров, – одна из наиболее вероятных перспектив развития (в ситуации беспрепятственного производства новых товаров народного потребления).

Визуализации образов идентичности. Статуя Чингисхана - символ 800-летней годовщины Монгольской империи. (фото: <http://www.go2life.net/architecture>)

Ват Сампхан /Храм Дракона (символ доброго начала «ян») в Накхон-Патом, Таиланд (фото: www.all-about-tailand.ru/wat-samphan)

Механизм культурного становления, сохранения и трансляции ресурса идентичности может быть представлен через концепцию «трансмутационного контакта». В основу идеи положено введенное М.К. Петровым понятие о «трансмутационном контакте нового с наличным», в соответствии с которым одинаково присущий всем культурам «постоянно возобновляемый» трансмутационный контакт, «требует процедуры идентификации подобий новому в наличном» [1]. Это означает, что при введении нового-иного в существующее происходит «нахождение подобий», прототипов нового в уже сложившейся системе (зачастую по принципу диалога), т.е. реализуются разные формы отождествления «своего» с «чужим» (или старого с новым) и, напротив, «чужого» со «своим», осуществляя идентификацию на разных уровнях и по различным направлениям. Можно предположить, что естественные процессы отождествления не являются единственно возможными формами введения норм. В частности, «революционное» вторжение представляет собой иную форму взаимодействия «нового с наличным», нередко разрушающего существующие нормы и культурные стереотипы. Проявление старых норм происходит со временем. Это сопровождается своеобразным обратным эффектом, когда старые нормы начинают мутировать и проявляться, «просвечивать» сквозь вновь введенные стереотипы [2].

Помимо основной идеи, идентификации нового в наличном, трансмутационный контакт может рассматриваться и как общая концепция, одна из основных форм взаимодействия разных типов социокультурных норм, позволяющая сохранять индивидуальность и идентичность каждой культуры в общем культурном универсуме. Подразумевая потенциальную способность культурных норм взаимодействовать, мутируя и трансформируясь, понятие трансмутационного контакта не только раскрывает природу того множества существующих норм и понятий, но и выявляет механизм «получения» этих норм, а также задает концепцию взаимодействия разных норм между собой.

В постмодернистской трактовке трансмутации акцент делается прежде всего на «порождающую способность» трансмутации. Эффект трансмутации, провозглашаемый постмодернистской культурой, означает идею порождения

новых языков архитектуры и культуры, которые возникают, когда профессиональное сознание удерживается в промежутке между существующими (ставшими) целостностями. Он (эффект трансмутации) предполагает подвижность, способность выходить за границы целостности, искусное владение «техникой варьирования прототипами формы». Трансмутация превращается в непрерывный процесс, практически нерегулируемый и непредсказуемый, ведущий к возникновению ранее не существовавшей, «новой образности». Фактически «трансмутация и новое состояние системы языка декларируются как цель, достойная всей совокупности усилий эпохи интерпретационного мышления в искусстве и архитектуре. Результат трансмутации – рождение неведомого...» [3] Заявленная Р. Бартом необходимость «добиться нового философского состояния языковой материи» [4], используя не только трансформацию, но и трансмутацию, позволяет достигнуть «умножения языков», столь важного для постмодернистской идеи «непрерывного различения» и возникновения эффекта трансмутации.

Выстраивая общую версию трансмутации, можно представить трансмутационный контакт как механизм и суть процессов порождения и становления нового (или чуждого, не существовавшего ранее), его «социализации», соотнесения Хаоса и Порядка (через усматривание в Хаосе «прошлого Порядка» и «прозревание» возможностей нового Порядка, сопоставление Порядка и Хаоса, нахождение следов-мест постоянно порождаемого Хаосом нового – языков, пространств, форм и пр. – в структуре наличного, осознанного как Порядок) и как неизменную часть процесса идентификации.

Очевидным примером мутационного контакта, трансмутации на границе осознания целостностей Востока и Запада является ситуация культурного развития Байкальского региона, которая складывается под влиянием неоднородных культурных стереотипов (переселенцев – староверов с Севера России, казаков, декабристов, польских ссыльных и пр. – и местного русского и коренного населения) на пересечении язычества, разных ветвей христианства, шаманизма, ламаизма, буддизма и др., на стыке традиционной, советской и постсоветской культур. Результатом

«Эскалация универсализма». Китайский опыт массовой застройки: «города-призраки» занимают место «хутоунов», малоэтажной исторической застройки, и пустующие городские окраины (фото: <http://www.libo.ru/libo8297.html>)

становится некий поликультурный «кентавр», удивительно совмещающий в одном пространстве иррационализм восточной и славянской духовности и рациональный прагматизм вестернизации. Исследование взаимодействия культурных традиций, их параллельного существования либо послышного наложения во времени позволяет выделить особенности, общие корни и истоки, характерные для разных культур. Диалог с «духом других культур», нередко происходящий на грани уже репрезентированных целостностей, как базовое положение трансмутационного контакта, предполагает «кассимилиацию» различных культурных норм, их контекстуальное погружение, соизмерение разных норм и образов друг с другом и несомненное порождение нового [2].

Как своеобразное противопоставление идеалам «место-пространства», концепциям локального, ориентированным на философию оседлости, культура кочевников и ее современное прочтение Жилем Делезом – номадология – составляют вторую ракурсы оппозиции локальное – глобальное. В отличие от традиционного пространства оседлости, лежащего в рамках Евклидова пространства, пространство кочевников нельзя наблюдать извне, «скорее оно напоминает звуковую или цветовую гамму» [5].

«Стимул новых земель» и странничество/бродяжничество – это то, что объединяет различные, порою полярные представления, отражающие внутреннюю сущность культуры кочевников. Такая идеология становится одной из основополагающих позиций номадологической философии, ее жизнеспособности. Интерпретируемое по-разному, порою в совершенно противоположных парадигмах, таких как странничество и бродяжничество, туризм, военная, политическая, экономическая экспансия это понятие может объяснить столь широкую сферу влияния номадологии и «кочевой идеологии» в целом. Феномен странничества, бродяжничества, путешествия на сегодняшний день по-прежнему является важной частью практически всех культур. Бродяга, описываемый как «человек без места, без метки общества», «кускользящий от нормативных установок» [6], «выпадающий» из общества и потому вызывающий разные, противоречивые оценки, отторжение, с одной стороны, неподдельный «интерес и... даже

почтение» – с другой, – на протяжении всей истории ему отводятся разные роли.

У А. Шопенгауэра и Ф. Ницше бродяжничество (по мнению А.В. Шлякова) трактуется «с позиции свободы выбора человека». Шопенгауэр, в частности, считает, что «обыденный человек, чтобы сделать жизнь приятной ограничивается внешними вещами, ищет удовлетворение вне себя и поэтому пускается путешествовать» [7]. Ницше, в свою очередь, усматривая в странничестве «проявление свободы человеческой личности и богатства духовного мира» пишет: «Кто хоть до некоторой степени пришел к свободе, тот не может чувствовать себя на земле иначе, чем странником» [8].

По мнению исследователей², одна из перспектив развития современного общества и культуры связана с «утратой традиционной привязанности к стране, общине, семье» [9], стремлением к динамичной жизни.

И это не только традиционное странничество/бродяжничество или кочевой образ жизни, не только туризм, обретающий все большую власть над людьми, но и необходимость постоянных, все более частых и дальних деловых поездок/перемещений, нередко превращающих жизнь делового человека, государственного деятеля в современного номада с новым средством передвижения (самолет), несущего с собой личные знаки освоенности и персонализации\индивидуализации. Это также появление «мест оседлости» одного человека одновременно в разных местах и странах, тенденции транснациональности в общем пространстве культуры, экономики и социума, и, конечно же, виртуальный мир/пространство, позволяющий быть человеком мира, перемещаться в ирреальных мирах, существовать в состоянии удвоенности.

Становление идеологии странничества, развитие кочевой культуры сопровождается формированием новых предметно-пространственных комплексов и технологий освоения пространства, а также новых норм проектирования среды, в частности осмыслением концепций нелинейности. К этим проблемам обращаются практикующие архитекторы и теоретики [10]: Брайан Массуми, Бернар Каш, архитекторы Кас Оостерхейз, Бен ван Беркель, Ларс Спайбрук, архитектурные мастерские и университетские

² См., в частности, работы Ж. Аттали.

Мифы культуры: тиражирование культурных образцов. Китай: Сиднейский театр (коттедж в провинции Цзянсу) (фото: <http://www.komesto.ru/blog/1857-sovremennaya-arhitektura-kitaya-ot-velikogo-do-smeshnogo>)

Эйфелева башня в Китае, Цяндучен (фото: <http://daypic.ru/nationality/177160>)

лаборатории (например, Школа искусств и архитектуры UCLA в Лос-Анджелесе, Высшая архитектурная школа Грега Линна и Хани Рашида Колумбийского университета в Нью-Йорке, «Асимптота», MVRDV, «Колатан–Макдоналд» и другие студии). Философской основой нелинейных экспериментов в большинстве случаев становятся труды Ж. Дел еза, Ф. Гваттари, А. Бергсона и др. Интерактивные нелинейные опыты, по-видимому, всегда будут «находиться в состоянии становления... продолжать видоизменяться по требованию обстоятельств – как блуждающая, или номадическая, эстетика», а также сопровождаться «децентрализацией человеческой сущности онлайн» [11].

Не менее важным моментом популярности культуры номадов являются «кочевые предметы». Обсуждая перспективы ее вторжения в современную жизнь, Жак Аттали отмечает: «Передовые технологии создадут новые виды изделий и товаров, которые предоставят гражданам недостижимые прежде возможности... Новые предметы, которые я называю номадическими (кочевыми), так как все они небольшого размера, изменят в будущем взаимоотношения во всем спектре современной жизни. И прежде всего они изменят отношение человека к самому себе... Все возможные виды услуг трансформируются в предметы, и их функции все больше и больше призваны обладать портативным, то есть кочевым характером» [9]. Развитие индустрии номадических предметов и номадических услуг делает еще более актуальной философию Дел еза – Гваттари, утверждающую новое представление пространства и взаимоотношения с ним человека, когда пространственная среда предстает как «недифференцированная», а традиционные категории «структуры» и «мирового древа» заменены понятиями ризомы, фиксирующей «аструктурный и нелинейный способ организации целостности» и «корневища-луковицы» или сети «корневых волосков», прорастающих в любом направлении. Ситуация пересмотра классических представлений науки также обеспечивает жизненность идеалов кочевой культуры в современных интерпретациях и становлении идеологий формирования художественно-проектной культуры, что достаточно образно и точно отражается тезисом Давида Юма: «Искусства и науки, подобно некоторым растениям, требуют свежей

почвы; и как бы богата ни была земля, и как бы ни поддерживали вы ее, прилагая умение или проявляя заботу, она никогда, став истощенной, не произведет ничего, что было бы совершенным или законченным в своем роде» [12].

Констатируя факт кризиса идентичности как общую проблему человечества, С. Хантингтон связывает это прежде всего с освобождением от идеологизации, от столкновения идеологий в целом, что, по его мнению, приводит мир к новым движениям, к новой истории, ключевым понятием которых становится «цивилизация». Полемизируя с С. Хантингтоном, М.В. Гришин при обсуждении проблем национальной и культурной идентичности [13] утверждает, что наблюдаемый повсеместно кризис коллективной идентичности, связан не столько с распадом идеологий, сколько с интенсивными процессами глобализации. Для дискурсов идентичности, по сути своей являющихся мифами, не призванными отражать эмпирическую реальность, «характерна трансформация «профанной» истории народа или нации в «сакральную». Компонентом же развития современной цивилизации становится «все большая рационализация действия, когда приверженность к поиску обоснования в сфере сакрального планомерно заменяется соображениями материального интереса. Современные стратегии глобализации, формируемые транснациональными элитами с их прагматичными целями (достижение контроля над ресурсами и рынками сбыта) порождают кризисы национальной идентичности, которые могут сохраняться только в культурном пространстве коллективной памяти, традиции и сфере сакрального». Более того, при этом практически не происходит и становления цивилизационной идентичности, которая, вероятно, должна прийти на смену национальной, этнической, конфессиональной и прочим формам «коллективности», так как, по мнению М.В. Гришина, «не успевает коллективная идентичность... приобрести форму цивилизационной идентичности, как последняя уже начинает размываться транснациональными процессами глобализации».

Таким образом, глобализация не только становится толчком к всестороннему обсуждению тенденций идентификации, порождает необходимость нового определения феномена цивилизационной идентичности, но и прово-

Произведения превращаются в миф культуры, регулятор массового сознания и мировосприятия. Энди Уорхол – «икона» графического дизайна (фото: <http://art-assorty.ru/203-andy-warhol-kartiny.html>)

цирует обострение проблем идентичности и вызывает кризис. (В частности, кризис национальной идентичности на рубеже XX–XXI веков, по мнению большинства исследователей, непосредственно связан с глобализационными процессами.)

Процессы глобализации и развитие новых технологий, «предоставляя растущие возможности «поглощать» архитектурную эстетику в форме фантазий исторических и современных зданий со всего мира», провоцируют возникновение «архитектуры с произвольно выбранными символами» и проектирование «малых и больших городов, не имеющих полной внутренней концепции и ресурсосберегающих отношений с окружающей средой». Происходящая «глобализация экономических отношений сводит городские «места» к «площадкам для бизнеса», лишенным какой-либо опознаваемости. Универсализм международных компаний и новых экономик ведет к распространению стандартизованных прототипов. Новые электронные средства поощряют потребление «образов» архитектуры, которые нуждаются в узнаваемом содержании, культурном или социальном значении» [14].

В подобной ситуации представляется вполне своевременным обращение к пространствам культурной идентификации, техникам и технологиям их выявления, способам фиксации и функционирования, и можно отметить различные интерпретации этого сюжета и своеобразные дискурсы, ориентированные на идеологию идентичности в целом, характерные для докладов и дискуссий профессиональных конгрессов, конференций и пр.

В частности, при определении основных ценностей современной архитектуры и градостроительства один из десяти базовых вопросов научного комитета XXI Всемирного конгресса архитектуры в Берлине прозвучал следующим образом: «Как региональная идентичность в архитектуре, экономике и обществе может быть различена и осознана как дополнительная ценность и какую современную форму это может приобрести?» И еще один вопрос, ответ на который намеревался получить Конгресс: «Каким образом планирование и строительство могут защитить материальные ресурсы и способствовать возрастанию ресурсов красоты и идентичности?» Факт отнесения идентичности

к категории духовных ресурсов, позволяет рассматривать необходимость и потребность идентификации, отождествления себя с тем или иным комплексом культурных норм как важный для каждой истории и культуры (независимо от субъекта истории) акт осознания, обязательный шаг для выявления самобытности и индивидуальности личности или цивилизации в целом. Рассматривая проблематику Конгресса сквозь призму обсуждаемой темы, можно отметить различные интерпретации этого сюжета и своеобразный дискурс, ориентированный на идеологию идентичности в целом, характерный для докладов и дискуссий Конгресса.

Среди современных проблем развития архитектуры и градостроительства существенным кажется также то, что единообразие, сопровождающее культурную, экономическую и финансовую глобализацию, предстает столь же глобальной проблемой для будущего каждой культуры, как ряд других жизненно важных вопросов. Эскалация «универсализма международных компаний и новых экономик ведет к распространению стандартизованных прототипов» [14], в том числе в архитектуре и городской культуре. Вместе с тем существовавшие ранее традиции архитектурной эстетики и систем городского планирования, построенные на контекстуальных отношениях с природной средой, вынуждены конкурировать с «эстетикой произвольности «единой мировой архитектуры», не признающей связи ни со спецификой места, ни с культурной индивидуальностью». Это все чаще оставляет нас с единообразной тотальной архитектурой и городской территорией, которые остро нуждаются во «внутреннем культурном значении», отвечающем «духу места».

Вполне вероятно, что тотальность, унифицированность и анонимность современной архитектуры и градостроительства, отдельных явлений культуры являют собой произвольную реакцию на «хаос» непрерывности и множественности языков архитектуры и искусств (в частности, постмодернизма) и попытку удержать «порядок»; но это, в свою очередь, ведет к иной форме «хаоса» – «хаоса неопознаваемости», когда законы целостности, ставшей или непрерывно становящейся, разрушаются

³ См. рецензию Н. А. Хренова на доклад Л. И. Сараскиной «Инстинкт человечности, русская идея и поиски русской идентичности (к спорам о Достоевском)» в кн. : Искусство и цивилизационная идентичность (опыт функционального анализа кризисных ситуаций в искусстве и социуме) / отв. ред. Н. А. Хренов. – М. : Наука, 2007. – С. 610.

⁴ См. работы Н. А. Хренова, О.А. Кривцуна, В.А. Колотаева, К.Л. Лукичевой и др.

либо претерпевают необратимые изменения, влекущие за собой нестабильность и новый хаос.

Идеи самоидентификации, будучи полюсом процесса глобализации, неотъемлемой составляющей дихотомии глобальное – локальное – в такой ситуации могут стать, на наш взгляд, определяющей линией стратегии развития городов. При этом самоидентификация нужна не только как пространство культурного самоопределения, но и как «рычаг», тенденция социально-политического и экономического развития «места», прежде всего в формировании общей идеологии и направления развития территории. «Особость» территории, ее способность собирать только ей одной присущие смыслы и порождать на их основе формы реальной жизнедеятельности, сопровождаемые мифами и легендами, всегда отличала значимые и знакомые пространства, исторически и культурно освоенные. Способность «освоителей» считать айдос места, его «дух» и воплощать и развивать его в системах жизнедеятельности и архитектурно-градостроительных структурах либо порождать новые тенденции, свойственные данной территории, во многом определяет будущее территории, будущее города. Основная задача, по мнению Лиотара, заключается «вовсе не в том, чтобы обслужить существующую реальность, а в том, чтобы распознать в ней черты Задуманного, но еще не репрезентированного». И это также обращает нас к идеалам осознания сущности места, его внутренних, индивидуальных свойств, к нахождению адекватных профессиональных языков отождествления, проявления «Задуманного» или «Присущего» и созданию нового образа с заложенным в него «ресурсом идентичности». Идентификация одинаково присуща любой целостности и «нецелостности» как системам порядка, осознанного или прозреваемого, любому ставшему и вновь становящемуся образу, языку, процессу, так как для их восприятия, интуитивного ощущения принадлежности, осознания и признания-оценки (положительной или отрицательной) должен произойти акт узнавания, отождествления с уже знакомым (прошлым или наличным) либо с «присущим» [2].

Произошедшее в конце XX века освобождение от «идеологического пресса» вкупе с процессами глобализации и кризисом национальной идентичности выводят на передний план ценности индивидуального существования, самоидентификацию отдельного индивидуума. В стремлении освоить это достижение Нового времени ряд специалистов предлагает отказаться от поисков коллективной идентичности в пользу индивидуализации, расценивая этническую и национальную идентичность как наследие архаической эпохи. Насколько такая стратегия возможна и целесообразна для России, традиционно живущей «в дискуссиях о национальном характере, об исторической памяти, о базовых ценностях народа, о традициях российской цивилизации, т. е. о том, что отличает один народ от другого, что является смыслом его жизни, основой самоидентификации и без чего народ перестает существовать»³ – все это подлежит тщательному исследованию.

Вызовом сегодняшнего дня становятся новые сложившиеся условия, которые требуют поиска иных оснований для самоидентификации, будь то обращение к ценностям индивидуализации через преодоление национальной/коллективной идентичности; сохранение специфики национальной идентичности и развитие личностной самоидентификации; формирование современной цивилизационной идентичности или какая-либо другая парадигма.

В соответствии с этим, вероятно, можно выделить следующие наиболее существенные для предложенного дискурса формы пространственной идентификации города и территории: своеобразное «отождествление-опознава-

ние» себя в корпусе различных представлений, в системах существующих понятий и картин мира, во-первых; соотнесение с определенными культурно-пространственными и средовыми комплексами, во-вторых; самоидентификация субъектов городской жизни в пространстве «средовых ритуалов» и мифов, в третьих.

Собственно идентификация территории может быть представлена как отождествление с субъектом-хозяйном (фиксация границ, обозначение границ индивидуальным кодом – всей территории или ее элементов), с одной стороны; как проявление и фиксация в разных знаках (схемах, картах, реальных инфраструктурах и объектах и пр.), присущих данной территории смыслов, «духа» – сути – кода места и процессов, на ней происходящих, – с другой; и наконец, как определение места и значения территории в общих траекториях движения и развития мировых политических, экономических, правовых и социально-культурных систем. Кроме того, происходит процесс самоидентификации, отождествления субъекта с определенной картиной мира и проявления характерных свойств субъекта.

Учитывая значимость «принадлежности к месту», осознания его идентичности для общих процессов развития территории, естественной выглядит апелляция к пространству идентификации, заключенному в базовых концептах картин мира, как идеальному представлению о мире (универсуме) или как оформлению Космоса в антропоцентрических парадигмах, как зеркалу, в котором снимается сущность и ее трансформации, и как своеобразному «тексту», выражающему содержание основных, жизненных парадигм [2].

Кроме того, при обсуждении проблем идентификации актуально обращение к искусству, к творчеству в целом. Во многом это определяется спецификой процесса становления коллективной идентичности, которая складывается под влиянием объективной реальности, в том числе и исторической ситуации, с одной стороны, и коллективного воображения – с другой. В силу чего «чувство «мы», образы идентичности всегда наделены «всеми чертами произвольности, субъективности и конвенциональности. А потому в данный феномен легко вписывается искусство, которое и зависимо от коллективной идентичности, и одновременно ее формирует» [15].

Нередко художник-проектировщик, будучи творцом не только произведения искусства, но и «новой социальности», одновременно оказывается «творцом коллективной идентичности», а смысл его произведения достигает эффекта коллективного мифа как регулятора массового сознания и мировосприятия.

Еще один мощный фактор, задающий необходимость обращения к творческому процессу – это выполняемая им миссия визуализации образов идентичности. И это особенно характерно для традиционного искусства и способов его современных интерпретаций. Кроме того, творчество, по мнению специалистов⁴, не только способно выступать достаточно эффективным орудием формирования и поддержания коллективной идентичности, но и служить одним из средств преодоления кризиса благодаря «дару искусства» как социального института, способствовать «выживанию народа, общества, типа цивилизации».

Почти в соответствии с лозунгом, провозглашенным модернистами и символистами, «творить искусством не только эстетические ценности, но саму жизнь», живет, в частности, культура семейских. Это естественное состояние, вероятно, в какой-то мере соответствует одной из стадий становления культурной идентичности (по В.А. Колотаеву, это стадия продуктивной идентичности

[16]), когда «...главным в идеологии сплавивания коллектива является не архаический принцип партиципации, не фактическая принадлежность индивида к образу данной группы, а свидетельства духовной активности, предъявляемые личностью в виде продуктов творчества, соотносимых с каноном, с ценностями, имеющими в рамках данного сообщества символическое значение». Определяющим образом коллективной идентичности становится по сути своей творческий процесс и его результат – образцы, воплощающие эстетические идеалы. Они-то и выступают основным стержнем, формирующим общество, культура которого характеризуется «стремлением личности к самовыражению в творчестве, к проявлению своего «Я» в созидании продуктов культуры» [16].

В целом потребность в идентификации, равно как и выбор адекватных культурных норм и идеалов, оказываются ключевым элементом культурного развития. Стремление к самоопределению, нахождению собственной траектории в общем процессе развития столь же естественное сегодня, как и тысячелетия назад, в самых различных формах проявляется в природных и антропогенных мирах, в макро- и микросистемах. На фоне тревожных размышлений общества о процессах глобализации, в вечном желании «выделиться из...» и «принадлежать к...» идеи самоидентификации приобретают особую остроту.

Отнесение идентичности к категории духовных ресурсов, представление ее как дополнительной ценности формы позволяет отметить новый взгляд на идентичность и рассматривать необходимость и потребность идентификации, отождествления себя с тем или иным комплексом культурных норм как важный акт осознания, обязательный шаг для выявления самобытности и индивидуальности личности или цивилизации в целом.

Учитывая актуальность идеалов идентичности в обществе глобальных экономик, дискурсы самоидентификации как часть пространства «глобальное – локальное» могут рассматриваться в качестве ключевой тенденции в стратегиях развития любого региона и проектной культуры. При этом «ресурс идентификации», внутренне присущий исторической среде и ее компонентам, также должен стать специфической чертой современных территориальных образований, архитектуры и предметно-пространственной среды для их отождествления с конкретным пространством, с конкретной ситуацией.

Кроме того, в ситуации, когда влияние национальных государств замещается влиянием транснациональных корпораций, когда происходит трансформация основных ценностей и архетипических представлений в картинах мироздания, когда «люди замещены рынками, горожане – потребителями, нации – компаниями, города – агломерациями и человеческие отношения – коммерческими» [17] совершенно естественной представляется апелляция к пространству идентификации, заключенному в базовых представлениях, закрепленных в картинах мира.

Номадизм, будучи другим полюсом оппозиции глобальное – локальное и новой трактовкой пространства оседлости, задает иные идеалы и знаки освоенности, когда основные формы идентификации и освоения/присвоения становятся максимально персонализированными и кочевыми.

Явный универсализм современной жизни, космополитизм городов, современного искусства и архитектуры, возможно, и составляют естественный процесс развития современной культуры (когда произведение-объект культуры/искусства, культурная норма, стереотип складываются вне зависимости от ситуации места, национальной и региональной специфики), но, сосуществуя со стремлени-

ем к выявлению и удержанию традиции места, неизменно обращают нас к необходимости соотнесения этих позиций при планировании городского развития и формировании предметно-пространственной среды.

Произведения превращаются в миф культуры, регулятор массового сознания и мировосприятия. Энди Уорхол – «икона» графического дизайна (фото: <http://art-assorty.ru/203-andy-warhol-kartiny.html>)

Список литературы

- Петров М. К. Язык. Знак. Культура. – М.: Наука, 1991. – 328 с.
- Железняк О. Е. Идентификационные пространства города. Трансмутация // Город: прошлое, настоящее, будущее. – Иркутск, 2004. – С. 139–146.
- Добрицына И. А. Поэтика архитектуры эпохи постмодернизма // Теория композиции как поэтика архитектуры. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 359.
- Барт Р. Удовольствие от текста // Барт Р. Семиотика, поэтика: избранные работы. – М., 1989. – С. 486.
- Кемеров В. Философская энциклопедия. – М.: Панпринт, 1998.
- Шляков А. В. Феномен бродяжничества в западноевропейской культуре. – <http://neva-tyumen.ru/articles>
- Шопенгауэр А. Две основные проблемы этики; Афоризмы житейской мудрости: сб. / пер. с нем. – Минск: Попурри, 1997. – С. 374.
- Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое; Веселая наука; Злая мудрость: сб. / пер. с нем. – Минск: Попурри, 1997. – С. 316.
- Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. – М.: Международные отношения, 1993.
- Добрицына И. А. От постмодернизма к нелинейной архитектуре. Архитектура в контексте современной философии и науки. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 416 с.
- Larner C., Hunter I. Hyper-Aesthetics. The Audience is the Work // Architectural Design. – 1995. – V. 65, № 11, 12.
- А. Тойнби. Вызов и ответ. – <http://www.pryahi.indeep.ru/history>
- Гришин М. В. Формы, функции и кризисы национальной и культурной идентичности: на примере Японии и России // Искусство и цивилизационная идентичность (опыт функционального анализа кризисных ситуаций в искусстве и социуме): материалы международной конференции. – М., 2006. – Т. 1. – С. 346–368.
- Reinhart Wustlich. Introduction // Resource Architecture. Main congress. – Berlin, 2002.
- Хренов Н. А. Цивилизационная идентичность как разновидность коллективной идентичности // Материалы Межд. конф. «Искусство и цивилизационная идентичность». – М., 2006.
- Колотаев В. А. Стадии формирования идентичности в культуре // Материалы Межд. конф. «Искусство и цивилизационная идентичность». – М., 2006.
- Holl S. Global/Local. Intersection of strength. – Barcelona, 1997.